

А.Т. ГАСПАРИШВИЛИ

**ВЛАСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
В АФИНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ:
ТРИБУНАЛ ИЛИ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы функционирования общественного мнения в Афинской демократии, выявляются особенности института общественного мнения в древнегреческом полисе. Используются работы древнегреческих философов и историков, исследователей античности, социологов. Автор ставит перед собой задачу доказать, что общественное мнение древности не всегда и не везде являлось лишь сводом традиционных представлений о должном. В Афинской демократии и других демократических полисах оно существовало как продукт дискуссии свободных граждан, участвующих в политике, и было в этом отношении явлением того же порядка, что и общественное мнение Нового Времени. На основе работ древних и современных авторов анализируются важные моменты политической и общественной жизни Афин, описываются и объясняются специфические черты афинского общественного мнения, реконструируются дискуссии афинских мыслителей о его субъекте, сущности и гносеологической ценности.

Автор также определяет факторы, которыми ограничивалось всемогущество общественного мнения Афин. Это причины метафизического характера: естественное неравенство, связанное с божественным родством выдающихся личностей; участие божественных сил в обыденной жизни греков; а также причины социального и экономического порядка — предпочтение личного благополучия общественному благу. Несмотря на эти ограничения, общественное мнение Афинской демократии,

Гаспаришвили Александр Тенгизович — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова.
Адрес: 125009, Москва, ул. Большая Никитская, д. 5. **Телефон:** +7 (916) 351-77-53. **Электронная почта:** Gasparishvili@gmail.com

основанное на широком гражданском участии в обсуждении важных проблем функционирования общества и государства, было важнейшим инструментом управления античного полиса.

Ключевые слова: общественное мнение, общество, демократия, политика, управление, власть, Афины.

Вопрос, что такое общественное мнение, что под ним понимать и как оно функционирует, волнует ученых с древнейших времен. Как ни странно, но начало дискуссии следует искать не в XVIII в., когда этот термин начал активно использоваться авторами либерально-демократических теорий, а по крайней мере в Древней Греции — в период становления гражданского общества.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что в античных демократиях некий институт, подпадающий под современное операциональное определение общественного мнения как совокупности мнений населения, играл чрезвычайно важную роль. При этом ни самого термина «общественное мнение», ни более или менее устойчивого, постоянно употребляемого понятия, соответствовавшего ему, в Греции того периода не было. Однако этот феномен существовал и являлся важнейшим фактором управления.

Если обратиться к работам тех немногих авторов, кто с той или иной степенью углубленности анализирует феномен общественного мнения в древности, можно сделать вывод, что оно существовало тогда исключительно в виде «общественного трибунала», или неписаных законов [9; 14; 15], и имело тотальную власть над индивидом, его образом жизни и поведением. Оно не допускало сомнений в устоях и традициях, в правильности распространенных взглядов и представлений. Никаких споров и поисков истины «общественный трибунал» не предполагает. Общественное мнение древности понимается как абсолютная власть обычая, традиции над человеком, когда тот не может даже «выдохнуть» позицию, противоречащую неписаным законам [8, с. 298].

Правомерны ли такие обобщения в отношении всего Древнего мира? По крайней мере, в случае древнегреческих демократий это не совсем так. Попробуем убедиться в этом, «реконструируя» небольшой фрагмент политической среды Афин VI–IV вв. до н. э. Постараемся показать, что в демократических Афинах общественное мнение существовало не только как «общественный трибунал», но и как рациональность, как продукт широкой дискуссии по поводу каких-либо значимых проблем и инструмент выработки и принятия решений.

Характерный феномен древнегреческого общества — полисы стали появляться в IX–VIII вв. до н. э. Греческий полис представлял собой триединство: город – государство – община. Сами древние греки

считали, что полис — это не стены, а объединение граждан, причем не просто объединение, а высшая форма человеческого сообщества и наилучший политический строй [2, с. 601].

Исторически античные города возникали как объединения людей, имевших в собственности землю, с целью охраны земельных угодий от враждебного окружения. Объединения эти были относительно небольшими, и вследствие этого каждый участник был для общины весьма ценен. Он обладал определенными взаимосвязанными правами-обязанностями, важнейшими из которых были: право собственности на землю, участие в защите полиса и, что самое главное в нашем случае, участие в его управлении. Такой человек являлся гражданином — политисом (πολίτης). Равенство членов общества закреплялось правом и традицией. Общество обладало всей полнотой власти и выступало в качестве суверена.

Полис не был чем-то раз и навсегда данным и неизменным. В разные исторические периоды население и политическое устройство полисов менялись. Полисы трансформировались. Они довольно значительно отличались друг от друга, и возможно, прежде всего по своему политическому устройству. О некоторых из них мы ничего или практически ничего не знаем, так как от них не осталось почти никаких письменных документов. Другие, напротив, изучены достаточно хорошо, поскольку сохранился обширнейший исторический материал. Особенно это касается Афин, где к V–IV вв. до н. э. сложилась демократическая форма правления, просуществовавшая там около двух веков. Каждый афинский гражданин не только имел право, но и был обязан участвовать в принятии политических решений, затрагивавших интересы всего полиса. Это участие было структурировано в рамках трех институтов: Народного собрания — экклесии (ἐκκλησία), Совета и судов.

Народное собрание — верховный государственный орган в Афинах — осуществляло законодательную, исполнительную и судебную власть. В него входили все афинские граждане-мужчины, достигшие 20 лет. В разные периоды численность Народного собрания Афин составляла от 25 до 40 тыс. человек, однако собирались, как правило, не более 5–6 тысяч. Благодаря Аристотелю (IV в. до н. э.) известно, что собрания созывались 40 раз в год (четыре раза в каждую пританию¹) [3, с. 76], на них избирались должностные лица, принимались важнейшие внешнеполитические решения, обсуждались новые законы и т. д.

Относительно небольшие размеры полиса обеспечивали высокий уровень информированности граждан. Новости переходили «из уст в

¹ Притания — десятая часть года. — *Прим. ред.*

уста», поскольку большинство граждан были знакомы и имели возможность выслушать друг друга на Агоре — площади для проведения собраний, игравшей роль центра городской общественной жизни.

На Агоре происходило обсуждение афинской политики, вырабатывалась повестка Народного собрания. Здесь в спорах и дискуссиях формировалось общественное мнение по важнейшим вопросам жизни полиса.

Информация распространялась и благодаря своеобразным СМИ — сообщениям о жизни общины. Тексты сообщений наносились на деревянные таблички, которые устанавливались в известных и заметных местах, — в какой-то степени они выполняли функции современных газет. Их главным предназначением было оповещать граждан обо всех принятых обществом важных решениях. Информация эта могла быть доступна всем, кому предназначалась, так как благодаря афинской системе образования уже в V в. до н. э. среди граждан не было неграмотных.

В греческом полисе, как и в любой стране в любое время, неписанные законы имели определенную власть над людьми, но здесь эта власть не была безусловной. Особенно это касалось тех, кого бы сегодня определили как интеллектуалов — древнегреческих философов.

Греки любили спорить и наблюдать за спором. Сократ считал, что в споре рождается истина². Истина в древнегреческой интеллектуальной традиции не существовала в какой-то раз и навсегда явленной форме. Ее надо было искать снова и снова. Практически каждый философ предлагал свою концепцию истины. Греческие мыслители не боялись не только «выдохнуть» позицию, но и открыто идти против общественных устоев. Вспомним хотя бы Сократа, Эмпедокла, Протагора. Антиобщественное поведение — неподчинение неписанным законам, видимо, не было каким-то исключительным явлением. Кроме того, отнесение того или иного деяния к разряду антиобщественных или способных причинить вред обществу было не столь однозначным и само собой разумеющимся, в противном случае такие институты, как остракизм или его разновидность петализм вряд ли бы существовали в демократических полисах.

Афинские политические лидеры должны были постоянно участвовать в спорах и дискуссиях, и если были талантливы и обладали навыками в словесных единоборствах, то находили заинтересованных слушателей и могли убедить собрание в своей правоте. Для афинских лидеров было очень важно суметь должным образом настроить в свою пользу общественное мнение, убедить собрание в верности

² Правда, он говорил не о любом споре, а лишь о том, в котором мудрец при помощи определенных приемов — майевтики — находит истину.

предлагаемого решения. Здесь были недостаточны банальные апелляции к основным категориям «общественного трибунала» — традиции, устоям, заветам предков. Риторике, или искусство красноречия и ведения споров, которая зародилась в середине V в. до н. э., часто сравнивали с оружием. В гимназиях среди основных предметов были два главных — грамматика и риторика.

Если верить Платону, Софист Горгий (V–IV вв. до н. э.) утверждал: «Владея такою силой, ты и врача будешь держать в рабстве, и учителя гимнастики, а что до нашего дельца, окажется, что он не для себя наживает деньги, а для другого — для тебя, владеющего словом и умением убеждать толпу» [11, с. 484]. Согласно Платону, Горгий был побежден в споре Сократом, который доказал ему и наблюдавшим за спором афинянам, что риторика — «бессовестная сноровка и угодничество». Тем не менее, в гимназиях после этой победы изучение риторики отменять не стали, да и греки споры не разлюбили.

Феномены афинской политической жизни демократического периода иногда переносятся на всю Древнюю Грецию. Это, конечно, некорректно. Демократии весьма значительно отличались от тираний или других форм правления в том, что касается прав граждан. Так, в олигархических полисах граждане участвовали в выработке политических решений лишь в роли наблюдателей, тогда как в демократических — как непосредственные участники. Тем не менее для политической жизни и функционирования большинства греческих полисов были характерны несколько общих моментов. Важнейший из них — Народное собрание. В разных полисах оно играло разную роль, но, как носитель гражданского суверенитета, всегда обладало верховной властью (хотя бы формальной, в случае монархий или тираний). Но из всех существовавших в греческих полисах форм правления лишь демократия обеспечивала полноценное участие граждан в управлении.

Казалось бы, в условиях демократических полисов общественное мнение должно было формироваться как результат более или менее сознательного и равноправного участия всех граждан, независимо от их происхождения и материального положения, и обладать наивысшим авторитетом. Э. Ноэль-Нойман спорит со своими студентами, которые, как она считает, ошибочно настаивали на том, что «общественное мнение древности было делом элиты» [9, с. 301]. Но так ли уж неправы были ее студенты?

Действительно, даже в демократических Афинах, где все граждане полиса были равны, обладали одинаковыми правами, некоторые были «более равны, чем другие». Это касалось прежде всего аристократии. Выборные должности, как правило, не оплачивались. Действительное, а не формальное участие в управлении могли позволить

себе только состоятельные граждане. Большинство граждан-земледельцев, занятых своим хозяйством, не проявляли особого желания постоянно заниматься политикой, предпочитая передоверять свои голоса наиболее достойным. Отказ от посещения народных собраний стал приобретать массовый характер. «Плату за посещение народных собраний первоначально решили не вводить, но, когда на собрания не стал собираться народ и пританы³ должны были придумывать разные ухищрения, чтобы являлось число, достаточное для действительности голосования, сперва Агиррий изыскал средства для платы по одному оболу, а после него Гераклид Клазоменский, по прозвищу Царь, — по два оболы; потом снова Агиррий — по три оболы» [3, с. 81].

Нежелание лично участвовать в управлении полисом можно объяснить и спецификой древнегреческого характера. Теодор Момзен считал, что «эллины всегда приносили общее в жертву частному, нацией жертвовали для общин, а общинами для отдельных лиц» [8, с. 12].

В наследии древнегреческих философов мы также найдем свидетельства того, что общественное мнение в демократиях того времени существовало в виде рациональности⁴ и обнаружим подтверждение

³ Притан (греч. πρύτανις) — член государственного совета, правивший в течение 1/10 года — притании. — *Прим. ред.*

⁴ Рассуждая о рациональности общественного мнения в древнегреческих полисах, следует принимать во внимание метафизические «ограничения» — религию и мифологию эллинов. Древнегреческие боги не были небожителями, они довольно часто спускались с Олимпа к людям и вступали с ними в разного рода контакты. Согласно преданию, в жилах многих греческих царей и аристократов присутствовала кровь богов, и хотя бы благодаря этому они были лучше и мудрее обычных людей, а значит, с их мнениями нужно было особо считаться, так как они были сопричастны абсолюту, божественной истине. Это касается не только мифических персонажей, таких как царь Лидии Тантал, царь острова Эгира Эак, царь Орхомена Флегий, врачи Телесфор, Подалирий и Махаон, жрец Керикс и многие другие, но и реальных исторических личностей. Потомком Геракла, а стало быть, и Зевса, называл себя спартанский царь Леонид, и никто не ставил это под сомнение. Считалось, что Александр Македонский был потомком бога войны Ареса, сам он настаивал, что происходит от Зевса. Род, к которому принадлежал Гиппократ, вел свое происхождение от бога Асклепия. Прямыми потомками Гермеса считались правитель-демократ Перикл, философы Пифагор, Сократ и его ученик Аристотел, Аристотель и многие другие известные люди [1; 3; 7; 10]. Другой важный момент, связанный с мировосприятием древних греков, — вера в способность постичь провидение (πρόνοια). Обращение к оракулу было абсолютно рутинным явлением и происходило

того, что студенты Э. Нозль-Нойман опирались на суждения признанных авторитетов.

Многие древнегреческие философы в вопросе общественного мнения придерживались взглядов, которые мы сегодня назвали бы элитистскими, относя это понятие только к хорошо информированным гражданам, способным внести вклад в публичное обсуждение, хорошо аргументируя свою позицию [16, с. 50].

Парменид (VI–V в. до н. э.) считал, что существуют две философии — философия истины и философия мнения. Разум дает нам истинное знание, мнения людей основываются на чувствах, которые неадекватно отражают истину, и стало быть, они недостоверны. Мнение представляет мир множественным и противоречивым, а на самом деле ни множества, ни противоположностей нет. Парменид с недоверием относился к мнению большинства:

«...Все тебе должно уведать:

Истины твердое сердце в круге ее совершенном,

Мнение смертного люда, в котором нет истинной правды» [4, с. 339].

С точки зрения Парменида, истина доступна немногим, лучшим. Так же рассуждал и Пифагор (VI–V вв. до н. э.), считавший, что необходимо следовать не мнениям толпы, а мнениям немногих понимающих [13, с. 81].

Платон (V–IV вв. до н. э.) придерживался похожих взглядов. В диалоге «Гиппий Большой» собеседники соглашаются, что большинство (массы) истины не знает. Мнение мудрых «истиннее» мнения большинства. Истиной обладают лишь немногие, те, кто знают закон, то есть «мудрецы» [11, с. 386–418]. В диалоге «Критон» Сократ (V–IV вв. до н. э.) доказывает, что нельзя следовать мнению всех, или большинства. Надо руководствоваться мнениями тех немногих, кто сопричастен истине. Большинство же ни истины, ни цели не ведает, оно живет и действует, повинуюсь лишь обычаю. «О, если бы, Критон, большинство способно было творить величайшее зло, с тем чтобы быть способным и на величайшее добро! Это было бы прекрасно! А то ведь люди не способны ни на то, ни на другое: они не

по самым разнообразным вопросам. Иногда вопрошавшему удавалось вступать в непосредственную связь с богами. Так, например, греки были уверены, что в святилище Эпидавра болящим самолично являлся бог Асклепий, чтобы излечить их или указать необходимое лекарство [6, с. 166–167]. Когда нужно было принять важное политическое решение, также обращались к оракулу. Его пророчества были непрекаемыми и всегда имели больший вес, чем общественное мнение, никакое Народное собрание не могло их игнорировать.

могут сделать человека ни разумным, ни неразумным, а делают что попало» [11, с. 99].

Весьма скептически относился к мнению большинства Аристотель, считавший, что те, кто составляют большинство, «не отличаются ни одной выдающейся добродетелью». «Не обладая чувством справедливости и рассудительностью, они могут поступать то несправедливо, то ошибочно», а «отличающиеся добродетелями люди» обычно не вступают в споры — «слишком их мало сравнительно с большинством» [2, с. 528, 535]. С точки зрения Аристотеля, общественное мнение скорее стоит рассматривать не как мнение большинства, а как результат политического компромисса.

Демокрит (V–IV вв. до н. э.), настаивавший на том, что в общественных делах должно участвовать как можно больше граждан, считал, что управлять все-таки свойственно лучшим [5].

Однако представление об общественном мнении как о мнении большинства, а не элиты, тоже существовало. Очевидно, оно было близко Теэтегу (V–IV вв. до н. э.) и Протагору (V в. до н. э.), сомневавшемуся в существовании абсолютного знания. До нас дошло приписываемое ему выражение: «Все есть таким, каким оно кажется нам». Оба они считали, что люди полагают истинным мнение, которое в данное время разделяет большинство. Коллективное субъективное мнение большинства людей, ставшее явным и существующее благодаря принципу демократического голосования, ощущение данных, в данном состоянии пребывающих людей, которое становится знанием, очень напоминает объект «эмпирических» концепций, в рамках которых общественное мнение является результатом опроса, но никоим образом не похоже на «общественный трибунал», апеллирующий к извечным и абсолютным истинам и нерушимым традициям.

Итак, подведем итоги. Политические мыслители Древней Греции не оперировали термином «общественное мнение». В их лексиконе не было понятий, которые соответствовали бы этому институту. Тем не менее общественное мнение, безусловно, существовало в тот период, и не только в форме «общественного трибунала», неписанные законы которого способствовали социальной интеграции и обеспечивали необходимый уровень согласия в обществе [10, с. 354].

Общественное мнение Древней Греции бытовало и как рациональность, в том смысле, в каком этот термин начали понимать в XVIII в., когда он вошел в лексикон обществоведов, как он понимается многими социологами и сегодня. Древнегреческое общественное мнение как рациональность было инструментом выработки и принятия решений в условиях демократии и в то же время продуктом широкой дискуссии по поводу каких-либо важных вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аполлодор*. Мифологическая библиотека / Пер., ст. и прим. В.Г. Боруховича. Л.: Наука, 1972. — 223 с.
2. *Аристотель*. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. / Под ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984.
3. *Аристотель*. Афинская полития. 2-е изд. / Пер. и прим. С.И. Радцига. М.-Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936.
4. *Лаэртский Диоген*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. М.: АСТ: Астрель, 2011. — 570 с.
5. *Лурье С.Я.* Демокрит: Тексты, перевод, исследования. Л.: Наука, 1970. — 664 с.
6. *Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей по Любкеру. СПб.: Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885.
7. Мифы народов мира / Под ред. Н. Деятейкиной. М.: Феникс, Цитадель-трейд, 2011. — 418 с.
8. *Моммзен Т.* История Рима / Подг. Н.Д. Чечулин. М.: Вече, 2010. — 384 с.
9. *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Изд-во «Прогресс-Академия», 1996. — 352 с.
10. *Павсаний*. Описание Эллады. В 2-х т. / Пер. С.П. Кондратьева; Под ред. Е.В. Никитюк. СПб.: Алетейя, 1996.
11. *Платон*. Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. / Общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; Авт. вступит. статьи А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. — 860 с.
12. *Фукидид*. История / Пер. Ф.Г. Мищенко. М.: Академический Проект, 2012. — 557 с.
13. *Ямвлих Халкидский*. Жизнь Пифагора / Изд. подг. В.Б. Черниговский. М.: Алетейя, 1997. — 179 с.
14. *Douglas M.* How institutions think. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1986.
15. *Kagan D.* The great dialogue: A history of Greek political thought from Homer to Polybius. New York: Free Press, 1965.
16. *Lazarsfeld P.F.* Public opinion and the classic tradition // The Public Opinion Quarterly. 1957. 21 (1).

Дата поступления 04.02.2014

A. T. GASPARISHVILI

Gasparishvili Alexander Tengizovich —candidate of philosophy sciences, associate professor, leading research fellow, Lomonosov Moscow State University.

Address: Bolshaya Nikitskaya, 5, Moscow, 125009, Russia.

Phone: +7 (916) 351-77-53. **Email:** Gasparishvili@gmail.com

**POWER OF PUBLIC OPINION IN THE ATHENIAN DEMOCRACY:
TRIBUNAL OR RATIONALITY**

Abstract. The article deals with the peculiarities of the functioning of public opinion in the ancient Greek polis. The author aims to prove that public opinion in ancient times did not always and did not everywhere represent only a collection of

the traditional concepts of the due. Under Athenian democracy and in other democratic polises it existed as a product of a discussion among the free citizens taking part in politics, and, in this respect, it was a phenomenon of the same order as public opinion in Modern Times. Proceeding from the works by ancient and modern authors, specific features of Athenian public opinion are described and explained, and discussions between Athenian thinkers on its subject and epistemological value are reconstructed. The article makes use of works by ancient Greek philosophers and historians, explorers of antiquity, and sociologists engaged in public opinion studies. The author also identifies factors which limited the omnipotence of Athenian public opinion. Those were the causes of metaphysical character, that is, natural inequality due to the divine kinship of eminent personalities, participation of divine forces in the daily life of ancient Greeks, and also the social and economic causes implying the preference of personal well-being to common good. Despite those limitations, the public opinion under Athenian democracy, based on a wide citizen participation in discussing important problems of the functioning of society and state, was an important instrument of governing the antique polis.

Keywords: public opinion, society, democracy, politics, policy, authority, Athens.

REFERENCES

1. Apollodor. Mifologicheskaja biblioteka. [Per., st. i prim. V.G. Boruhovicha]. Leningrad: Nauka, 1972. — 223 s.
2. Aristotel'. Sochinenija: V 4-h t. T. 4. [Pod red. A.I. Dovatura]. Moscow: Mysl', 1984.
3. Aristotel'. Afinskaja politija. 2-e izd. [Per. i prim. S.I. Radciga]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izd-vo, 1936.
4. Lajertskij Diogen. O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filo-sofov. [Per. s drevnegrech. M.L. Gasparova]. Moscow: AST: Astrel', 2011. — 570 s.
5. Lur'e S.Ja. Demokrit: Teksty, perevod, issledovanija. Leningrad: Nauka, 1970. — 664 s.
6. Ljubker F. Real'nyj slovar' klassicheskikh drevnostej po Ljubkeru. St.-Petersnurg: Izdanie Obshhestva klassicheskoi filologii i pedagogiki, 1885.
7. Mify narodov mira / Pod. red. N. Devjatajkinov. Moscow: Feniks, Citadel'-trejd, 2011. — 418 s.
8. Mommzen T. Istorija Rima. [Podg. N.D. Chechulin]. Moscow: Veche, 2010. — 384 s.
9. Nojel'-Nojman Je. Obshhestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchanija. Moscow: Izd-vo «Progress-Akademija», 1996. — 352 s.
10. Pavsaniy. Opisanie Jellady. V 2-h t. [Per. S.P. Kondrat'eva; Pod red. E.V. Nikitjuk]. St.-Petersnurg: Aletejja, 1996.
11. Platon. Sobranie sochinenij v chetyreh tomah. Tom 1. [Obshh. red. A.F. Loseva i dr.; Avt. vstupit. stat'i A.F. Losev; Primech. A.A. Taho-Godi]. Moscow: Mysl', 1990. — 860 s.
12. Fukidid. Istorija. [Per. F.G. Mishhenko]. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2012. — 557 s.
13. Jamvlih Halkidskij. Zhizn' Pifagora / Izd. podg. V.B. Chernigovskij. Moscow: Aletejja, 1997. — 179 s.
14. Douglas M. How institutions think. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1986.
15. Kagan D. The great dialogue: A history of Greek political thought from Homer to Polybius. New York: Free Press, 1965.
16. Lazarsfeld P.F. Public opinion and the classic tradition. The Public Opinion Quarterly. 1957. 21 (1).

Received: 04.02.2014